

КИРА АНДРЕЕВНА ОНИПКО

аспирант кафедры истории русской литературы филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kirin.klik@gmail.com

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ НЕКРОЛОГИ: ГЕРОИ И КОНТЕКСТЫ

Статья посвящена проблеме осмысления некрологов как текстов биографического характера. Рассматриваются авторские стратегии изображения героев первых некрологов Российской Империи – И. Ф. Богдановича и А. Н. Радищева, а также актуализируется проблема соотношения индивидуальной судьбы персонажей некрологических текстов и программ и схем поведения, артикулируемых сообществом и эпохой. Особое внимание уделяется дискурсивным механизмам, позволяющим сконструировать «биографические личности» Богдановича и Радищева как поэта и философа соответственно. В статье ставится вопрос о культурных и социальных предпосылках развития жанра некролога в России: гуманистическом идеале сентиментализма, идеях Просвещения, масонской этике, салонных литературных практиках, развитии светских форм жизни, читательских ожиданиях на рубеже XVIII–XIX веков. Помимо этого затрагивается тема о секулярном характере русских некрологов того времени.

Ключевые слова: И. Ф. Богданович, А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, И. М. Борн, некролог, биографический нарратив, «биографическая личность»

Период со второй трети XIX по первое десятилетие XX века в России ознаменовался настоящим расцветом жанра некролога. В журналах и газетах того времени было опубликовано несколько десятков тысяч некрологов людям разных занятий и профессий, разного социального положения. Можно сказать, что некрологи составили биографический словарь представителей всех областей человеческой деятельности, своеобразный словарь эпохи [12: 240].

Современный российский социолог и историк культуры А. И. Рейтблат первым журнальным некрологом в Российской Империи считает некролог Ипполиту Федоровичу Богдановичу в «Вестнике Европы» № 3 за 1803 год¹. Однако, на мой взгляд, в этом выпуске было напечатано, скорее, извещение о смерти литератора: «С чувствительностью и прискорбием объявляем нашим читателям о смерти господина Богдановича, творца поэмы всем известной и столь приятной. Он скончался 6 января в Украинской деревне своей»². Далее автор извещения просит от лица редакции родственников Богдановича прислать известия, чтобы напечатать «краткое описание жизни его». Издателей интересует «1) время и место рождения; 2) образ воспитания; 3) первые изъявления таланта поэтического; 4) род службы и жизни; 5) черты характера; 6) обстоятельства кончины»³. Подробное разъяснение того, какая именно информация необходима, позволяет предположить, что жанр некролога был относительно нов для российского образованного читателя начала XIX века и он еще не вполне представлял, что должно быть указано в сообщениях этого типа.

В итоге описание жизни Богдановича и подробный разбор поэмы «Душенька» вышли в № 9–10 «Вестника Европы» за 1803 год под заголовком «О Богдановиче и его сочинениях».

Автор некролога – Н. М. Карамзин, подписавший некролог инициалами «Ц. Ф.»⁴. Отнести данное высказывание к жанру некролога позволяет тот факт, что публикация его состоялась почти сразу после смерти его героя. Привязка к смерти является конститутивной особенностью некролога [13: 195]. В тексте представлена довольно подробная биография поэта, переводчика и государственного деятеля, а также даны детальный обзор поэмы «Душенька», последовательное описание творческого пути поэта и указание на некоторую предопределенность этого пути – мотивы, довольно часто встречающиеся в некрологах: «Таланты иногда долго зреют, но всегда рано открываются: уже в детстве Богданович страстно любил чтение, рисование, музыку и стихотворство»⁵.

Также мы можем увидеть концовку, отчасти свойственную современным некрологам: «Говорят, что жизнь и характер сочинителя видны в его творениях; однако ж мы, любя последние, всегда спрашиваем о первых у тех людей, которые лично знали автора. Все знакомые и приятели Богдановича единогласно хвалят его свойства, тихий нрав, чувствительность, бескорыстие и какую-то невинную веселость, которую он сохранил до старости и которая делала его приятным в дружеском обществе. Никто не замечал в нем авторского самолюбия. Богданович даже редко говорил о поэзии и литературе, и всегда с некоторой застенчивостью, бывшей природным свойством его»⁶. В конце мы обнаруживаем привычные и для современных некрологов воспоминания друзей и знакомых покойного о его положительных личностных, душевных, социально ориентированных качествах («тихий нрав», «чувствительность», «бескорыстие», «невинная веселость», отсутствие «авторского самолюбия», «застенчивость»), а также обещание сохранить память о нем.

Однако во многом набор конкретных характеристик был обусловлен влиянием эстетики сентиментализма. В это время на первый план выходят жанры, позволяющие наиболее разносторонне описать облик и характер своих героев. Возрастает интерес к отдельной личности, к «внутреннему человеку», а «чувствительный человек» провозглашается идеалом эпохи [6: 726], [7: 71]. Нетрудно заметить, что уже упомянутые положительные характеристики героя некролога – это типичные черты сентименталистского гуманистического идеала. В эпоху сентиментализма, согласно построениям и выводам Ф. Арье-са, складывается новый комплекс представлений о смерти, который он называет «смерть твоя» (*la mort de toi*). Именно тогда формируется особый язык, который позволяет выразить и описать комплекс трагических эмоций, вызываемый смертью близкого человека [1: 14–15].

Помимо этого, текст Карамзина, по мнению Д. Я. Калугина, – это не только рассказ о жизни поэта, но и «представление всего социального механизма поэтического творчества», и речь здесь идет, вероятно, о принципиально новой форме существования салонного творчества, где главной является задача нравиться женской аудитории [4: 198]. Недаром самым распространенным эпитетом жизнеописания является слово «приятный» (стихи в «Душеньке» «умны и приятны», приятна жизнь Богдановича в Дрездене, приятные стихи поэта рождаются за счет вдохновения, вызванного чувствительностью «к любезности женской»).

Согласно Калугину, салонная культура требует контроля над эмоциями, соблюдения приличий, изысканности, сдержанности и сладкоречия. Поэт в салоне также призван вызывать умиление и своего покровителя (о покровительстве М. М. Хераскова Богдановичу в тексте некролога сказано немало) и тем самым уподобляться младенцу в тихом семейном кругу, с каковым можно сравнить пространство салона [4: 198]. Все это в конечном счете ставит вопрос специфики говорения о жизни поэта или писателя, на которую влияет то, что занятие литературой в начале XIX века еще не могло наделить автора полноценным социальным статусом, литература все еще оставалась довольно частным делом и ассоциировалась с приватной сферой [4: 209].

Первым из известных писательских некрологов, по мнению Т. Д. Кузовкиной, следует считать прозаический отрывок внутри стихотворения Ивана Мартыновича Борна «На смерть Радищева» (альманах «Свиток муз», 1803 год)⁷. Примечательно, что некролог Радищеву выходит только в малотиражном издании «Вольного общества любителей словесности», в то время как в издании вроде «Вестника Европы» он выйти не мог. Во всяком случае, официально. Во время работы над так и не опубликованной статьей «Карамзин в “Вестнике Европы”» Ю. М. Лотману удалось выяснить, что писатель все же откликнулся в своем журнале на смерть Радищева, однако

замаскировал этот отклик под перевод с французского [10: 37].

Борн начинает некролог с размышлений об изменчивости человеческой жизни, следуя сентименталистской традиции: «Жизнь подвержена коловратности и всяким переменам. Нет дня похожего на другой. Как легчайший ветер возмущает поверхность вод, так жизнь наша есть игрище вечного движения»⁸. Заканчивает же восклицаниями о бренности жизни и неумолимости смерти, о цели человеческого существования, достигнув которую, человек смеет надеяться на вечную жизнь: «Вечная причина всего сущего! пред Тобою человек ничто. Как ему постигнуть связи судеб! Кто изведает таинственные узы великих душ с происшествиями мира в океане вечности? Ужели смерть есть конец всему? Сие изменение бытия нашего в видимом. Раскроем книгу истории человечества. Все стремились к некоторой цели. Кто оной достиг? К чему сие стремление? Где оному предел? А когда оно есть, когда оно врожденно каждому человеку, то почему нам не признать другой, третьей, вечной жизни? – О, друзья мои! человек не престаёт быть: он переменяет токмо вид свой в природе!»⁹ В этом заключительном пассаже важна мысль о том, что «человек не перестает быть».

Однако представляется, что автор некролога ссылается не на христианское религиозно-богословское понимание бессмертного бытия души. Эта идея скорее согласуется с мыслями, высказанными самим Радищевым, о том, что душа человека после смерти либо перейдет в другое тело, либо оживит животное, «существо нижнего рода», либо перейдет в состояние «лучшее, совершеннейшее». Иными словами, по мнению Радищева, человек после своей смерти не перестает существовать, поскольку сила его мысли, превосходящая все иные естественные силы, совсем исчезнуть не может¹⁰. Здесь, вероятно, стоит вспомнить и стихотворное «Письмо о бессмертии души» (1761) Богдановича, и его знаменитую поэму, в которой Душенька была «обречена» на жизнь: «И как бы смерти не искала, / Судьба назначила, чтоб Душенька жила / И в жизни бы страдала...»¹¹.

Необходимо отметить, что убежденность в бессмертии человеческой души диктуется не только религиозными представлениями, но и поддерживается языком философии, науки и культуры той эпохи. Здесь и интерес масонства к таинственной и свободной человеческой душе, ее путешествиям в лучшем и гармоничном мире, где она сможет познать его тайны¹². Для нас же в итоге значимым оказывается то, что о смерти самого писателя говорится в контексте его собственных идей, а также в контексте воззрений на смерть и бессмертие, характерных для его современников. Важно и то, что в России впервые жанр некролога возникает именно в светской среде, а не в религиозной, хотя исторически все процессы, связанные с похоронно-поминальной сферой, были в ведении церкви.

Особого упоминания в некрологе удостаиваются сами обстоятельства смерти Радищева (он покончил жизнь самоубийством, выпив залпом стакан азотной кислоты, а затем попытавшись зарезаться бритвой). Этот факт до сих пор не получил однозначной оценки в литературоведческих и культурологических работах. Ю. М. Лотман отмечал, что идея самоубийства занимала довольно большое место в философской и политической системе писателя. С одной стороны, рассуждая о проблеме самоубийства, Радищев, по мнению Лотмана, утверждал право человека самостоятельно распоряжаться своей жизнью, с другой — право на самоубийство освобождает человека от страха смерти и ограничивает власть тиранов [11: 510]. Таким образом, в самоубийстве Радищева Лотман усматривает сознательный шаг, а не отчаянный поступок.

А. Л. Зорин, занимаясь историко-психологической реконструкцией переживаний и мотивов поведения писателя в последние недели и дни его жизни, увидел в действиях Радищева и его воззрениях на жизнь (и смерть) театральное происхождение и сопоставил их с поступками и взглядами героев трагедии Дж. Аддисона «Катон» и трагедии Ж.-Б. Сорея «Беверлей»: «Высокая трагедия позволяла ему перевести свою житейскую катастрофу в регистр противостояния одинокого героя торжествующему злу. Мещанская драма давала возможность прочувствовать безысходность вины перед близкими и запоздалое раскаяние обманутого и затравленного грешника. Столкновение этих публичных моделей чувства определило индивидуальный характер его внутренней драмы, в которой он играл роли одновременно героя, преступника и жертвы» [3: 212–213].

И. Клейн, однако, не усматривает в самоубийстве писателя и философа сознательного волевого поступка: «Кроме элемента случайности, здесь бросается в глаза чрезвычайная, паническая жестокость, обращенная Радищевым против самого себя; как симптом болезненного психического состояния, она несовместима с представлением о тщательно продуманном героическом акте» [5: 331].

Сам автор некролога, И. М. Борн, не дает прямой оценки поступку Радищева, также он не берет дасть ему и обоснование: «Как согласить сие действие с непоколебимою оною твердостью философа, покоряющегося необходимости и радеющего о благе людей в самом изгнании, в ссылке, в несчастии, будучи отчужденным круга родных и друзей?»¹³ Указав несколько довольно общих мотивировок случившегося («Или познал он ничтожность жизни человеческой? или отчаялся он, как Брут, в самой добродетели?»), литератор предлагает читателям хранить молчание по этому поводу («положим перст на уста наши») и пожалеть о печальной участи всего человечества.

Думается, что упоминание самоубийства Радищева в контексте некролога, в котором герой представлен прежде всего как философ, неслучайно. Это упоминание отсылает нас к другому «философскому самоубийству» — казни Сокра-

та. И переключка здесь происходит не столько на уровне поведенческой стратегии, сколько на уровне дискурса. Во-первых, согласно Сократу, именно те, кто по-настоящему предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью¹⁴. Во-вторых, все заботы истинного философа обращены не на тело, а на душу: «Именно в том прежде всего обнаруживает себя философ, что освобождает душу от общения с телом в несравнимо большей мере, чем любой другой из людей»¹⁵. И, в-третьих, подлинное бытие души достигается путем полного ее отделения от тела, поэтому философские занятия в том и должны состоять — «в освобождении и отделении души от тела»¹⁶. Создается впечатление, что именно самоубийство определяет Радищева как истинного философа, избравшего смерть и освободившего свою душу для вечной жизни, для подлинного бытия.

Как в некрологе Богдановичу, так и в некрологе Радищеву авторы обращают внимание на их служение (в первом случае — государственное, во втором — общественное). Богданович характеризуется прежде всего как литератор, однако автор жизнеописания отмечает: «Занимаясь стихотворством Богдановича, мы забыли службу его. В 1780 году он был определен в новоучрежденный тогда Государственный Санкт-Петербургский архив членом, в 1788 — председателем его, а в 1795 — отставлен с полным жалованьем, служив 41 год»¹⁷. Радищев в некрологе представлен прежде всего как философ, однако к его заслугам на поприще служения людям относятся благоустройство им Иркутской губернии во время ссылки, просветительская деятельность, «радение о благе людей».

Однако Карамзин умалчивает об истинных обстоятельствах государственной службы Богдановича. Современные литературоведы отмечают контраст между беспечной и свободной жизнью поэта «на Васильевском острове, в тихом, уединенном домике»¹⁸, представленной в некрологе, и реальным положением дел, при котором поэт более всего интересовало продвижение по службе и покровительство высокопоставленных персон. Именно во время написания «Душеньки» поэт находился в весьма сложном положении: бедный дворянин, без связей и имени, уволенный из Коллегии иностранных дел без сохранения жалования. В 1780 году он действительно получает место в Государственном архиве, однако уходит с должности редактора «Санкт-Петербургских ведомостей» [4: 197], [5: 281]. Таким образом, жизнеописание Богдановича представляет собой «гармонизированную конструкцию», благодаря чему любые несоответствия сглаживаются и растворяются в общем настроении «приятности», характерном для всего текста [4: 197].

В некрологе Радищеву мы вообще не видим упоминания о государственной деятельности покойного, хотя в разное время Радищев очевидно преуспел на этой стезе: директор Санкт-Петербургской таможни, кавалер ордена

Св. Владимира, член комиссии по систематизации российского законодательства при Александре I. Не видим мы и описания его сложностей и неудач после ссылки. Борн предпочитает сконцентрироваться лишь на жизни ссыльного Радищева в Илимском остроге, во время которой, согласно воспоминаниям сыновей, он действительно был дружен как с иркутскими чиновниками и священнослужителями, так и с илимскими жителями, которым оказывал разнообразные услуги: лечил от зоба и обморожений, делал прививки от оспы¹⁹.

Таким образом, перед нами два некролога, написание которых было подчинено соответственно двум конкретным авторским задачам. Первая – изобразить Богдановича изящным поэтом, героем сентименталистской эпохи, жизнь которого спокойна и приятна, отмечена благодеятельством покровителей и салонным успехом; и вторая – представить Радищева истинным философом, призвание которого состоит в том, чтобы помогать людям и просвещать их, и тогда после смерти ему (его душе) будет дарована вечная жизнь (подлинное бытие).

Лотман, рассматривая отношение к смерти, характерное для русского дворянства конца XVIII – начала XIX века, говорит о том, что традиционные православные представления о смерти испытали на себе сильное влияние деистических и скептических идей Просвещения, однако при всем обилии философских идей и концепций можно было отчетливо выделить одну их характерную черту: «все страсти, помыслы и желания сосредоточены на земной жизни» [9: 210]. «Смерть, – пишет Лотман, – была моментом, в котором пересекались христианские представления о бессмертии души и восходившие к античности, воспринятые государственной этикой идеи посмертной славы» [9: 211]. Воплощение мысли о смерти в образах, далеких от христианства, было значительным культурным нововведением рубежа XVIII–XIX веков. Здесь можно вспомнить «Памятники» Ломоносова, Державина и Пушкина, в которых пред-

ставление о вечной жизни воплощалось в идее закрепления в народной, общественной памяти.

Так, Борн говорит о вечной жизни, но не забывает и общественные заслуги писателя и мыслителя. Упоминание о сооруженном памятнике «в сердцах благодарных патриотов» также присутствует в некрологе. В заключительном абзаце некролога Богдановичу сообщается о том, что друзья Богдановича и «любители русских талантов» сохраняют его память для потомства, которому литератор будет впоследствии знаком как «стихотворец приятный, нежный, часто остроумный и замысловатый»²⁰.

В заключение необходимо отметить, что любой некролог (и вообще любой текст биографического характера) – это определенный способ говорения о жизни, способ ее конструирования и описания, согласно той точке зрения, которая принята в обществе. В случае с некрологами Богдановичу и Радищеву у авторов были свои задачи, с которыми, как мы увидели выше, они справлялись путем выстраивания определенных схем поведения и жизненных траекторий своих героев, вписанных в систему идей, характерных для того времени.

К. А. Богданов в своей работе «Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков» (2005) (глава «Душа – не тело: последние известия») говорит о том, что «взаимоотношение телесного и духовного, физического и психического риторизируется в качестве важнейшей проблемы в философских и научных дискуссиях эпохи» [2: 79]. И далее: «Важнейшие темы, определяющие «горизонт читательских ожиданий» просвещенных россиян конца XVIII века, – связь души и тела, смерть и бессмертие» [2: 82]. Вероятно, именно поэтому в начале XIX столетия в российской периодике стал наконец возможен разговор о смерти: образованная публика была готова его поддержать, а набор соответствующих взглядов к тому времени также уже сложился.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О смерти автора «Душеньки» // Вестник Европы. 1803. Ч. VII. № 3. С. 227–228 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-3/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

² Там же.

³ Там же.

⁴ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание) // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 10. С. 75–111 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-10/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

⁵ О Богдановиче и его сочинениях // Вестник Европы. 1803. Ч. IX. № 9. С. 3–18 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.spsl.nsc.ru/rbook/Vestnik/1803/1803-9/Jpeg/index_Jpeg1.html (дата обращения 23.08.2017).

⁶ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание).

⁷ Борн И. М. На смерть Радищева // Свиток Муз. 1802. Кн. 2. С. 136–144 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.library.spbu.ru/rus/volsnx/Svmuz/sm2t136.html> (дата обращения 23.08.2017).

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Радищев А. Н. О человеке, о его смертности и бессмертии // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: В 3 т. Т. 2. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1941. С. 39–144.

¹¹ Богданович И. Ф. Душенька // Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л.: Сов. писатель, 1957. С. 45–126.

¹² Подробнее о масонском символизме, связанном с понятиями души и тела, а также о масонском коде поэмы «Душенька» см.: [14].

¹³ Борн И. М. На смерть Радищева.

¹⁴ Платон. Избранные диалоги. М.: Худ. лит., 1965. 442 с.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ О Богдановиче и его сочинениях.

¹⁸ Там же.

- ¹⁹ Радищев Н. А., Радищев П. А. Биография Александра Николаевича Радищева, написанная его сыновьями. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1959. 132 с.
- ²⁰ О Богдановиче и его сочинениях (Окончание).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Прогресс-Академия», 1992. 528 с.
2. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели: Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: О. Г. И., 2005. 502 с.
3. Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.
4. Калугин Д. Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 260 с.
5. Клейн И. Русская литература в XVIII веке. М.: Индрик, 2010. 440 с.
6. Кочеткова Н. Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1980. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. С. 726–764.
7. Кочеткова Н. Д. Герой русского сентиментализма. 2. Портрет и пейзаж в литературе русского сентиментализма // XVIII век. Сб. 15: Русская литература XVIII века в ее связях с искусством и наукой. М.; Л.: Наука, 1986. С. 70–96.
8. Кузовкина Т. Д. Некролог Булгарина Жуковскому // Пушкинские чтения в Тарту: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 220-летию В. А. Жуковского и 200-летию Ф. И. Тютчева. Тарту, 2004. С. 276–293 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/document/535675.html> (дата обращения 23.08.2017).
9. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – нач. XIX веков). СПб.: Искусство-СПб, 1994. 398 с.
10. Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 624 с.
11. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. С. 484–517.
12. Петровская И. Ф. Биографика: Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов. СПб.: Петрополис, 2010. 381 с.
13. Рейтблат А. И. Некролог как биографический жанр // Писать поперек: Статьи по биографике, социологии и истории литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 195–202.
14. Сахаров В. И. Миф о золотом веке в русской масонской литературе XVIII столетия // Вопросы литературы. 2000. № 6. С. 149–164.

Onipko K. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

THE FIRST RUSSIAN OBITUARIES: HEROES AND CONTEXTS

The article is concerned with the problem of interpretation of obituaries as biographical texts. We are considering the author's strategies depicting characters of the first obituaries of the Russian Empire (I. F. Bogdanovich, A. N. Radishchev). Moreover, the article raises the problem of correlation between personal destinies of obituary texts' characters and behavioral patterns, articulated by the community and conditioned by the historical period. Particular attention is paid to the discursive mechanisms allowing reconstruction of "biographical personalities" of Bogdanovich and Radishchev. One of them was a poet and the other was a philosopher. The article raises the issue of cultural and social prerequisites necessary for the obituary genre development in Russia: a humanistic ideal of sentimentalism, ideas of the Enlightenment, Masonic ethics, literary salon practices, development of the secular life forms, and readers' expectations at the turn of the 18th and 19th centuries. In addition, the article touches upon the topic of the secular nature of Russian obituaries of the time.

Key words: I. F. Bogdanovich, A. N. Radishchev, N. M. Karamzin, I. M. Born, obituary, biographical narrative, "biographical personality"

REFERENCES

1. Ariès Ph. A Man In the Face of Death. Moscow, "Progress" – "Progress-Akademiya" Publ., 1992. 528 p. (In Russ.)
2. Bogdanov K. A. Doctors, Patients, Readers: Pathological Texts of Russian Culture of the XVIII–XIX Centuries. Moscow, O. G. I. Publ., 2005. 502 p. (In Russ.)
3. Zorin A. L. The Appearance of the Hero: From the History of Russian Emotional Culture of the Late XVIII – Early XIX Century. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2016. 568 p. (In Russ.)
4. Kalugin D. Ya. The Prose of Life: Russian Biographies in the XVIII–XIX Centuries. St. Petersburg, Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge Publ., 2015. 260 p. (In Russ.)
5. Kleyn I. Russian Literature of the XVIII Century. Moscow, Indrik Publ., 2010. 440 p. (In Russ.)
6. Kochetkova N. D. Sentimentalism. Karamzin. *The History of Russian Literature*. In 4 Vol. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie Publ., 1980. Vol. 1. Old Russian Literature. Literature of the XVIII Century. P. 726–764. (In Russ.)
7. Kochetkova N. D. The Hero of Russian Sentimentalism. 2. Portrait and Landscape in the Literature of Russian Sentimentalism. *XVIII Century. Col. 15: Russian Literature of the XVIII Century in Relation to Art and Science*. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1986. P. 70–96. (In Russ.)
8. Kuzovkina T. D. The Obituary from Bulgarin for Zhukovsky. *Pushkin's Readings in Tartu 3: Proc. of the International Scientific Conference on the 220th Anniversary of V. A. Zhukovsky and the 200th Anniversary of F. I. Tyutchev*. Tartu, 2004. P. 276–293. Available at: <http://www.ruthenia.ru/document/535675.html> (In Russ.)
9. Lotman Yu. M. Conversations about Russian Culture. Life and Traditions of the Russian Nobility (XVIII – Early XIX Centuries). St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 1994. 398 p.
10. Lotman Yu. M. Education of the Soul. St. Petersburg, Iskustvo-SPb Publ., 2005. 624 p.
11. Lotman Yu. M. Poetics of Everyday Behavior in Russian Culture of the XVIII Century. *Articles on the Semiotics of Culture and Art*. St. Petersburg: Akademicheskiiy proekt Publ., 2002. P. 484–517. (In Russ.)
12. Petrovskaya I. F. Biography Studies: Introduction to the Science and Review of the Sources of Biographical Information on the People of Russia in 1801–1917. St. Petersburg, Petropolis Publ., 2010. 381 p.
13. Reytblat A. I. An Obituary as a Biographical Genre. *Writing Across: Articles on Biography Studies, Sociology, and Literary History*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. P. 195–202. (In Russ.)
14. Saharov V. I. The Myth of the Golden Age in the Russian Masonic Literature of the XVIII Century. *Voprosy literatury*. 2000. No 6. P. 149–164. (In Russ.)

Поступила в редакцию 15.09.2017